
ЛИНГВИСТИКА

ОБРАЩЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

*Раздел подготовлен приглашённым редактором
Максимом Анисимовичем Кронгаузом,
доктором филологических наук, профессором, заведующим
лабораторией социолингвистики, Российский государственный
гуманитарный университет, Москва, Россия.*

DOI 10.37386/2305-4077-2025-1-192-206

М. А. Кронгауз¹

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

К. С. Клокова²

Московский физико-технический институт (Долгопрудный, Россия)

В. А. Шульгинов³

Московский физико-технический институт (Долгопрудный, Россия)

Т. А. Юдина⁴

Московский физико-технический институт (Долгопрудный, Россия)

¹ Максим Анисимович Кронгауз – доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией социолингвистики Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: mkronhaus@yandex.ru.

² Ксения Сергеевна Клокова – младший научный сотрудник центра междисциплинарных исследований Московского физико-технического института (Долгопрудный, Россия). E-mail: klokova.ks@mipt.ru.

³ Валерий Александрович Шульгинов – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник центра междисциплинарных исследований Московского физико-технического института (Долгопрудный, Россия). E-mail: shulginov.va@mipt.ru.

⁴ Татьяна Александровна Юдина – младший научный сотрудник центра междисциплинарных исследований Московского физико-технического института (Долгопрудный, Россия). E-mail: yudina.tatiana.a@mipt.ru.

ОБРАЩЕНИЕ «ПАПОЧКА»: ОТЕЦ, ЛЮБОВНИК, ДРУГ

Статья посвящена анализу функционирования обращения *папочка*, основанному на материале корпусных данных. Выявлены ситуации употребления лексемы в первичном значении – обращение ребенка к отцу, а также прагматические сдвиги: обращение к тестю или свекру, мужу, мужчине в романтическом контексте и некоторые другие редкие употребления, не составляющие отдельного словарного значения. Исследование показало, что функционирование обращения *папочка* существенно шире, чем это отражено в словарных определениях слова *papa*. При этом сохраняется преобладание первичного значения, а вторичные употребления часто связаны с переносом статусно-ролевых отношений между ребенком и родителем-мужчиной на другие ситуации коммуникации.

Ключевые слова: термины родства, обращение, прагматический сдвиг, вторичное употребление

M. A. Krongauz

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

K. S. Klokova

Moscow Institute of Physics and Technology (Dolgoprudny, Russia)

V. A. Shulginov

Moscow Institute of Physics and Technology (Dolgoprudny, Russia)

T. A. Yudina

Moscow Institute of Physics and Technology (Dolgoprudny, Russia)

ADDRESS TERM “ПАПОЧКА”: FATHER, LOVER, FRIEND

The article is devoted to the analysis of the functioning of the address term *papochka* (daddy) on the material of corpus data. The article discusses identified situations when the lexeme is used in its primary meaning – the address of a child to his father – as well as pragmatic shifts. The latter include addressing a father-in-law, a husband, and a man in a romantic context, as well as some other rare usages that do not constitute a separate dictionary meaning. The study showed that the functioning of the address term *papochka* is much broader than reflected in the dictionary definitions of the word *papa* (*Dad*). At the same time, the predominance of the primary meaning is preserved, and secondary uses are often associated with the transfer of status-role relations between a child and a male parent to other communication situations.

Keywords: kinship terms, address, pragmatic shift, secondary meaning use

Статья является продолжением исследования терминов родства, в рамках которого мы рассматриваем механизмы перехода от основного типа употребления к периферийным, а именно перенос обращения к ближайшему родственнику на обращения к более широкому кругу лиц (существ и объектов), связанных с говорящим другими отношениями. Прямое обращение к родственнику мы называем первичным употреблением, а все остальные – вторичными. Во вторичных употреблениях происходит семантическое опустошение и потеря основных связей, но при этом сохраняются отдельные признаки, такие как «покровительство», «защита», «возрастной разрыв» и под. В частности, нами уже были рассмотрены особенности употребления обращений *мать*, *мамочка* и *матушка*. Эти слова были подробно рассмотрены в работах М. А. Кронгауза [Кронгауз, 2023a] и в совместных работах М. А. Кронгауза, К. С. Клоковой, В. А. Шульгинова, Т. А. Юдиной [Кронгауз, 2023b, Кронгауз, 2024]. Эта статья открывает ряд публикаций, посвящённых номинациям отца, и первым в этом ряду станет анализ употребления лексемы *папочка*.

Словарные определения слова «папа»

В этом разделе мы рассмотрим определения слов *папочка* и *папа*, которые зафиксированы в толковых словарях различных исторических периодов.

Для обозначения отца и матери есть множество слов, среди которых есть одно, наиболее нейтральное. Для остальных характерны не только основное, но и различные экспрессивные или стилистические значения и прагматические особенности. Экспрессивные лексемы тяготеют к позиции обращения. В центре лексической группы, включающей в себя слово *папочка*, находится лексема *отец*. Наиболее близко к нему неформальное слово *папа*, которое получает самостоятельное определение в словарях. А дальше – различные экспрессивные варианты: *папенька*, *папаша*, *папочка* [Даль, 1865, с. 32]; *папуля*, *папулечка*, *папуленька*, *папуся*, *папусенька* [Ожегов, 2006, с. 491]; *папочка*, *папуля*, *папаня*, *папка*, *папаша*, *батя*, *батюшка*, *папенька* [Морковкин, 2016, с. 13]. Таким образом, слово *папочка* также не является последним звеном в этой цепи: оно встречается во всех анализируемых словарях в качестве синонимичных вариантов слову *папа* (словарь В. И. Даля, словарь Д. Н. Ушакова, словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, словарь С. А. Кузнецова) и представляет собой конвенциональную ласковую форму обращения, в отличие от более экспрессивных форм *папуля*, *папка*, *батя* или устаревших *батюшка* и *папенька*. Подробнее об экспрессивности, правда, в отношении личных имен,

см. [Вежбицкая, 1996] в главе «Личные имена и экспрессивное словообразование», где разбирались сходные процессы.

При этом надо отметить, что лексема *папочка* практически не получает самостоятельных словарных определений. В качестве исключения можно упомянуть словарь Д. Н. Ушакова [Толковый словарь русского языка, 1939, с. 87] и словарь А. П. Евгеньевой, в которых дается определение через отсылку к значению лексемы *папа* (например, в словаре А. П. Евгеньевой: *ласк.* к папа [Словарь русского языка, 1999, с. 19]). Поэтому в этой части статьи мы рассмотрим словарные определения лексемы *папа*, чтобы сопоставить их с употреблением слова *папочка* на материале корпусных данных.

Самым распространенным случаем использования слова *папа* является его употребление в качестве обращения к собственному отцу. В большинстве словарей эта лексема характеризуется как элемент детской речи: информация об этом содержится в нескольких словарных определениях (например, *преимущественно в речи детей: = отец* в [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 779], также в [Словарь русского языка, 1999, с. 18]).

Интересно, что указание на употребление слова *папа* преимущественно в детской речи обнаруживается и в словарях XVIII – XIX веков [Словарь русского языка XVIII в., 2011, с. 198; Даль, 1865, с. 32], но при этом, наряду с отцом, в качестве денотата в них упоминается и хлеб (например, *так называют малые дети: а) отца; б) хлеб* [Словарь церковно-славянского и русского языка, 1847, с. 188]).

В «Большом универсальном словаре русского языка» [Морковкин, 2016, с. 13] также наблюдается достаточно заметное отклонение от значения *то же, что и отец* с выражением ласкового отношения. Во-первых, практически исчезает ассоциация с детской речью – это все еще обращение к своему отцу, но возраст говорящего перестает быть существенным признаком для его употребления. Во-вторых, расширяется потенциальный адресат – в его роли может выступать *отец мужа* или *жены*. Таким образом, брак расширяет сферу употребления терминов кровного родства, то есть позволяет использовать их не только к собственным родственникам, но и аналогичным свойственникам, родственникам супруга. Наконец, так может называться мужчина по отношению к своим детям в ситуации общения детей или взрослых с детьми, в этом случае речь идет о референциальном употреблении. Таким образом, можно выделить следующие семантические аспекты обращения *папа*:

Ласковое разговорное обращение к собственному отцу, преимущественно характерное для детской речи, хотя этот признак постепенно стирается.

В семейном общении возможно использование этого обращения по отношению к отцу *мужа и жены*.

Задача нашего исследования состоит в том, чтобы понять, применим ли этот набор значений к *папочке*, а также проверить полноту этого списка, посмотрев, нет ли употреблений, которые не укладываются в данный набор значений.

Методика сбора данных

В качестве материала для исследования были использованы примеры из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). На 27.09.2024 в НКРЯ обнаружено 1660 вхождений слова *папочка* в 527 документах. Первичная предобработка включала анализ представленных в корпусе фрагментов, а также обращение к источникам, если представленный контекст являлся недостаточным для установления характеристик говорящего и адресата. Те фрагменты, для которых снятие неоднозначности оказалось затруднительным (отсутствие художественного текста в свободном доступе, электронных библиотеках и пр.), были исключены из итогового набора данных. Помимо этого, мы исключили дубликаты, попадающие в нашу выборку автоматически. Таким образом, в итоговый набор данных вошло 1625 случаев употребления слова *папочка*.

Процедура разметки включала в себя выявление употребления лексемы *папочка* в функции обращения, для которого впоследствии определялся тип употребления – первичный или вторичный. К первичному типу употребления относится использование слова *папочка* в качестве обращения к собственному или приемному отцу. Вторичный тип употребления предполагает использование данного обращения к адресату, состоящему с говорящим в любых иных отношениях.

Для каждого примера мы указали гендерные и возрастные характеристики говорящего и адресата, а также наличие родственных отношений между ними. В результате исключения референтного употребления был сформирован корпус примеров, включающий в себя 1013 вхождений слова *папочка* в функции обращения. На рис. 1 представлено распределение количества употреблений (первичного и вторичного типа) по десятилетиям.

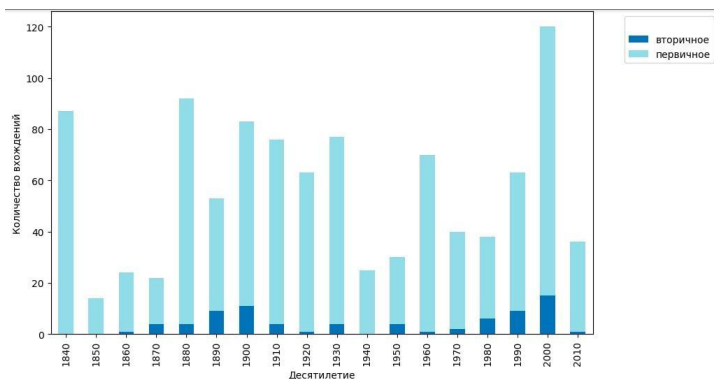

Рис. 1. Распределение количества вхождений обращения *папочка* в первичной и вторичной функции по десятилетиям в размеченной выборке

Как мы видим на графике, лексема *папочка* в подавляющем большинстве употреблений сохраняет свое первичное значение, оставаясь внутрисемейным способом выделения мужчины-родителя в речи его ребенка. Однако даже это стандартное взаимодействие может получать достаточно неожиданные расширения в различных ситуациях общения.

Обращение к отцу и отчиму

Наиболее типичным употреблением слова *папочка* в качестве обращения является первичное, то есть обращение детей к собственному отцу (1) или отчиму, мужчине, выполняющему отцовские функции (2).

(1) *Если бы не я, нипочем бы тебе, сынок, леца не вытащить на такую удочку. – Ой, спасибо тебе, папочка, – кричит Миша. – Сейчас я всех вас буду рыбой кормить.* [Александр Яшин. Сладкий остров (1960)]

(2) *Я же тебя удочерил сразу же после того, как мы поженились. Наверное, я должен был сказать тебе об этом раньше... – Папочка, да какое же это имеет значение? – Она увидела волнение Павла Алексеевича, и вся ее детская любовь к нему, как солнышко в небо, вошла в ней в эту минуту...* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]

При этом наблюдается гендерный перекосяк, то есть женщины используют обращение *папочка* чаще, чем мужчины, причем такое смещение наблюдается с подросткового возраста. Так, количество употреблений маленькими детьми, как женского, так и мужского пола, примерно одинаковое (194 для дочерей и 151 для сыновей). Для старших же возрастных категорий замечен большой

разрыв. В процессе разметки не удалось установить принадлежность говорящего к одной из более старших возрастных категорий для 101 употребления дочерьми и 50 употреблений сыновьями, однако среди тех говорящих, для кого удалось определить возрастную группу, распределение выглядит следующим образом. Количество употреблений девушками (от подросткового возраста и примерно до 25 лет, часто незамужних) составило 326, а молодыми людьми – 22. Для дочерей и сыновей старше 25 лет – 40 и 10 вхождений соответственно. Можно предположить, что гораздо большее количество первичных употреблений обращения *папочка* девочками и девушками младше 25 лет маркирует особенное ласковое отношение к отцу, которое, тем не менее, может проявляться и в более старшем возрасте.

Статусно-ролевые отношения между ребенком и родителем-мужчиной могут быть перенесены на различные ситуации коммуникативного взаимодействия с сохранением иерархических отношений и ласковой окраски речи. Например, номинация *папочка* может использоваться мужчиной по отношению к самому себе при порождении речи от лица своих детей (3) и даже их игрушек (4).

(3) *Хорошо, что Михаил это сказал. А больно за его Георгия Михайловича. Потом подумал: а что я хотел? Чтобы он бросился мне на шею и стал кричать: папочка, родной мой, как хорошо, что ты приехал! Ерунда!* [Аркадий Мацанов. Бабник // «Ковчег», 2012].

(4) [Человек (муж)] *Вот лошадка с оторванным хвостом... Гоп-гоп, лошадка, куда ты скачешь? – «Далеко, папа, далеко, туда, где поле и зеленый лес». – Возьми меня, лошадка, с собой. – «Гоп-гоп, садись, милый папочка»...* [...] [Л. Н. Андреев. Жизнь Человека (1906)]

Такое обращение может использоваться и в воображаемом разговоре животных по отношению к родителям, например, в сказках. В этом случае нет смысла говорить об особом значении или типе употребления, поскольку антропоморфизация означает перенос всех человеческих отношений на животный мир.

(5) *У Серой Звездочки лучистые глаза потому, что у нее чистая совесть – ведь она делает Полезное Дело! Кажется, ясно?» – Папа, можно задать вопрос? – спросил Ежонок. – Все вопросы потом. – Ну, пожалуйста, папочка, только один!* [Борис Заходер. Сказки для людей (1960–1980)].

Если описанные выше примеры отражали в широком смысле обращение к мужчине, выполняющему отцовские функции по отношению к ребенку (родному или приемному), то интересной представляется ситуация, в которой

акцент делается на взаимоотношениях адресата с матерью говорящего. Так, в размеченной выборке было найдено одно употребление в игровой форме, когда адресатом является мужчина, состоявший в сексуальных отношениях с матерью говорящего (6). В данном примере герой обращается к незнакомцу, которого подозревает в изнасиловании своей матери.

(6) *Лицо Иеремии бесстрастно. Очень красивое лицо. Не хватает только длинных черных локонов, чтобы... – Ну, прощай, **папочка**, – говорит вдруг очень тихо Иеремия, и на русском... Нам внезапно становится близка и понятна легкая сумасшедшинка в его глазах.* [В. В. Лорченков. Копи Царя Соломона // «Волга», 2011]

Обращение к тестю и свекру

Прагматический сдвиг в употреблении обращения *папочка* проявляется во внутрисемейном взаимодействии при обращении одного из супругов к родителю-мужчине другого. В качестве примера можно продемонстрировать использование такого обращения зятем по отношению к тестю (7) и невесткой по отношению к свекру (8):

(7) *Череп – обезьяний. Уши плебейские. Двух слов связать не умеет. Только мычит нечто нечленораздельное: «**Папочка**, папулечка, ку-ку». А вы говорите – Дарвин... И нагло требует приданое. Приданое, а? [В. П. Катаев. Миллион терзаний (1930)].*

(8) – *Он у вас цел? – стремительно спросила Стеша. – В целости, в бумагах хранится; я человек аккуратный: зря ни одной бумажки не выкину, а это все-таки память о добром человеке. – Отдайте ее мне, голубчик, **папочка!** – стала она молить, бросившись к нему на шею.* [Н. Э. Гейнце. В тине адвокатуры (1893)].

Следует обратить внимание на то, что оба приведенных примера относятся к рубежу XIX–XX веков. Это свидетельствует о том, что значение, которое зафиксировано только в современном словаре [Большой универсальный словарь русского языка, 2016, с. 13], сформировалось уже достаточно давно.

Обращение к мужу и сексуальному партнеру

Анализ данных показал, что обращение *папочка* может использоваться не только по отношению к отцу или отчиму, но и со стороны жены к мужу, если у них есть общий ребенок. В размеченной выборке было выявлено 39 таких

употреблений, при этом ключевым фактором является наличие у мужчины детей, как маленьких (9), так и взрослых (10).

(9) *Да, да, дорогой мой **папочка**, у тебя отныне есть сын. Вылитый Леонид Старшов: синеглазый, упрямый, крепенький и уже сейчас способный вскружить голову любой женщине* [Борис Васильев. Дом, который построил Дед (1990–2000)].

(10) *Но за два дня передь этимъ ты только что намъ выслалъ, и я боялась тебя тревожить. – Тревожь, не тревожь – я всё равно не могъ-бы выслать. У меня нѣтъ денегъ, – глухо сказалъ Изнанцевъ. – Я вамъ и такъ отдалъ все, что могъ. – Мерси, **папочка**, мерси. Я это всё цѣню...* [Н. А. Лейкин. Из Нищцы (1903)].

Можно предположить, что такое обращение может возникать и вне семьи. В статье о мамочке мы выделяем значение «женщина с маленьким ребенком», в котором сохраняются все компоненты, кроме родства по отношению к наблюдателю, – некто называет женщину мамочкой, актуализируя ее связь с ребенком [Кронгауз, 2024]. Например: *Они мнут Гуль живот, поворачивают ее, а потом говорят: «Госпитализируем, собирайтесь. Все собрано? Молодцом, **мамочка!**»* [Дина Сабитова. Где нет зимы (2011)].

Подобные употребления возможны и для *папочки*, в нашем наборе данных был обнаружен такой пример (11):

(11) *«Ну, веселее, **папочки**...» – женщина на коврике показала красивые зубы. Все (пришедшие на занятия школы молодых отцов. – Е. П.) горестно закивали: «Да, мы стали папами...» В чём причина горя? Вот в чём: «засранцы кричат, и больше этого выносить никак нельзя»; «мужчин волнует, как спастись от ужасного запаха экскрементов по всей квартире». [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].*

Отдельно стоит отметить второй механизм прагматического сдвига, при котором женщина метафорически занимает позицию ребенка. В размеченной выборке в контексте супружеских отношений это обычно наблюдается в парах, в которых муж гораздо старше и/или занимает более высокую социальную позицию:

(12) *Через пару минут Звёздочка-Леночка заходит ко мне на кухню и разводит руками: «Я не нашла, **папочка!**» Я укоризненно качаю головой, иду в комнату сам, девушка идёт за мной следом. [Герман Садулаев. Таблетка (2008)].*

(13) *Хороши девочки! Он наметанным глазом успел рассмотреть все, что его интересовало. Вон с той куколкой неплохо было бы развеяться... – Папочка, без такой роскоши я отсюда не уйду, – твердым голосом заявила супруга. Господин в дорогом костюме поморщился. – Это же выставочный экземпляр, – вяло возразил он. – А ты договорись.* [Татьяна Моспан. Подиум (2000)].

(14)– *Гм... да... то есть я хотел сказать... – Не нужно! Ничего не нужно... Я думала, что ты меня любишь... я никогда еще ни о чем не просила тебя, папочка... Дальше следовали первые слезы и необходимые утешения [...]* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Верный раб (1891)].

Эта же метафора может использоваться и вне семьи в ситуации кокетства или флирта. Так, женщина может использовать фамильярное обращение *папочка* по отношению к мужчине, который старше нее или имеет более высокий статус, предполагая романтические или сексуальные отношения с ним. В частности, такое возможно в устах проститутки. Таким образом, и эта модель реализуется не только внутри семьи.

(15) *Тут, как бы для того, чтобы и меня испытать на прочность, на колени мне уселась девушка с кошачьим хвостом. Вся кожа у нее пропахла прокисшим шампанским. Ну что, папочка, узнаешь свою киску? Нейлоновый хвост на сгибе руки, забываемая картина комсомольской молодости.* [Василий Аксенов. Негатив положительного героя (1996)].

(16)– *Ну, пойдете! Она взяла Ивана Андреевича под руку. Он острожно высвободил свой локоть, и тогда она тотчас же повернулась к Боржескому: – Папочка, у меня сегодня, видно, об вас чешется целый вечер правый глаз. – Чешется, так почешись левой пяткой, – посоветовал Боржеский. Девуцы громко засмеялись. – Я этого папашу знаю, – сказала одна из них.* [Марк Криницкий. Маскарад чувства (1915)].

(17) *Вы где это служите? Вы – чиновники? – Нет, я учитель. Учю немецкому языку. – А я вас где-то видела, папочка. Ваша физиономия мне знакома. Где я с вами встречалась? – Ну уж не знаю, право. На улице разве.* [А. И. Куприн. Яма (1909–1915)].

Следует подчеркнуть, что описанные механизмы – идентификацию женой мужа как отца их детей и принятие на себя роли ребенка – не всегда удается четко разделить. В примере (18) обращение употребляется молодой женщиной по отношению к мужу более старшего возраста в присутствии его маленьких детей (для нее – приемных), которые также называют его *папочкой*.

(18) *Какая это была радость. Маша покраснѣла до ушей и закричала: Дѣти, дѣти, слышите, у насъ будетъ учительница и я буду учиться. Не правда ли, **папочка**, и я буду учиться. Учись, другъ мой, если желаешь.* [Е. В. Салиасде-Турнемир (Евгения Тур). Княжна Дубровина (1885)].

Сходное смешение присутствует и в следующем примере. С одной стороны, Лолита является любовницей Гумберта, с другой стороны, – его падчерицей (19).

(19) *«Пробовала тебе позвонить домой», беспечно сказала она. «Принято большое решение. Но сперва угости-ка меня кока-колой, **папочка**» [...] [В. В. Набоков. Лолита [автоперевод с английского] (1967)].*

Отметим еще один пример, где смешение связано с психологической сферой: героиня совмещает образы отца и мужа под влиянием сильного горя, вызванного утратой обоих, в результате чего использует обращение *папочка* по отношению к мужу.

(20) *Юрій! Она тормошила его, неподвижнаго, мертваго... Она, припавъ головой къ трупу, не звала никого, говорила съ мертвецомъ, повторяя: – **Папочка, папочка**, что я буду дѣлать... на кого ты меня оставиль... возьми меня съ собою, возьми!..* [А. К. Шеллер-Михайлов. Падение (1870)].

Обращение к другу

В размеченной нами выборке встречаются примеры, когда обращение *папочка* используется мужчиной по отношению к мужчине, при этом в контексте нет детей. Надо отметить, что этот механизм переноса похож на особенности употребления слов *мамочка* и *матушка*, выделенные нами ранее [Кронгауз, 2023а, с. 53–54; Кронгауз, 2023b, с. 113]. В размеченных данных было найдено четыре случая употребления этой номинации по отношению к другому мужчине, с которым говорящий не состоит в родственных отношениях. В (21) и (22) оба обращения используются в одном диалоге между двумя собеседниками по отношению друг к другу и являются фамиллярно-ласковыми, подчеркивающими добродушные отношения. При этом у первого адресата есть взрослая дочь, но наличие ребенка явно в контексте не актуализируется, а у второго – молодая жена.

(21) *Лепорелло (развалиясь в кресле). Не понял? О чем? Командор. Ну и нахал ты, **папочка**! Мало того что безобразие учинил – меня вон в главк вызывают. (Глокает валидол.) Лепорелло. Опять ничегошеньки не понимаю. [Эдвард Радзинский. Продолжение Дон Жуана (1990–2000)].*

(22) Пошла фраза: «Есть многое на свете, друг Горацио, чего не снилось нашим мудрецам». Мысль понятна? Интеллигент, он всегда должен допустить возможность чудесного. Ты же интеллигент, **папочка**, у тебя образование высшее, ты вон в теннис играешь. [Эдвард Радзинский. Продолжение Дон Жуана (1990–2000)].

Еще одним примером может служить использование обращения *папочка* И. А. Буниным по отношению к А. И. Куприну (23). Здесь фамильярно-ласковое обращение сочетается с косвенной актуализацией статуса отца. Также существует свидетельство того, что и дочь, и жена Куприна обращались к нему именно так, что могло привести к использованию обращения в виде цитации в игровой форме.

(23) Когда Бунин узнал, что мы в Гельсингфорсе, он очень обрадовался. А в 1920 году он пишет Куприну в Париж: «**Папочка**, дорогой, хоть ты нас всех и обругал в «Огнях», а мы все-таки тебя поздравляем, целуем, обнимаем. Покидаем Висбаден 11-го сентября. Числа 13-го думаем быть в Париже. Привет супруге и дерзкой дочке. [К. А. Куприна. Куприн – мой отец (1979)].

В отличие от предыдущих примеров, в широком контексте примера (24) нет актуализации семьи, и, по-видимому, можно предположить, что это именно фамильярно-ласковое обращение, впрочем, возможно, ироничное.

(24) – Что еще тебя интересует? – Пока все. Уверен, что тебе будет интересно. Не зря время потратишь, внакладе не останешься. – Ну и хитер же ты, **папочка!** – Березовский спрятал листок в бумажник. [Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985)].

Заключение

В ходе проведенного исследования было установлено, что в сравнении со словарным толкованием лексемы *papa* функционирование обращения *папочка* имеет ряд существенных прагматических и семантических особенностей.

Прежде всего, стоит отметить, что стабильно сохраняется первичное значение – обращение ребёнка к своему отцу или отчиму. В этой группе отмечается гендерный дисбаланс. Если в детстве частота употребления примерно одинакова для мальчиков и девочек, то по мере взросления соотношение меняется: женщины используют обращение *папочка* значительно чаще.

Кроме того, мы выявили два новых типа употребления. Во-первых, обращение жены к мужу, подчеркивающее его роль отца (такое употребление пред-

полагает наличие у пары общих детей). Это обращение может расширять сферу употребления и использоваться во внесемейной коммуникации по отношению к мужчине с ребенком, например, в медицинском учреждении или на курсах молодых отцов. Использовать его может не только жена, но и любая женщина (а при еще большем расширении, возможно, и мужчина). Во-вторых, это метафорическое обращение женщины к мужчине с позиции «ребенка», что проявляется преимущественно в ситуациях значительной возрастной или социальной разницы между собеседниками в ситуации флирта или кокетства.

Еще один факт, который мы обнаружили, заключается в расширительном употреблении обращения *папочка* в качестве фамильярно-ласкового обращения мужчины к мужчине, не связанным с ним родственными отношениями. Эти примеры достаточно редки и часто носят игровой характер, поэтому нет основания для присвоения им словарного статуса, то есть выделения в качестве отдельного значения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Большой толковый словарь русского языка:** А–Я / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. **Вежбицкая, А.** Язык. Культура. Познание: [пер. с англ.] / А. Вежбицкая. – Москва: Рус. слов., 1996. – 411 с.
3. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 3. II. / В. И. Даль. – Москва: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1865. – 508 с.
4. **Кронгауз, М. А.** Семантические и прагматические перевоплощения слова «магушка» / М. А. Кронгауз // Русский язык за рубежом. – 2023а. – № 5 (300). – С. 48–56.
5. **Кронгауз, М. А.** Трансформация семантики мамочки: от жены до пушки / М. А. Кронгауз, К. С. Клокова, В. А. Шульгинов, Т. А. Юдина // Слово.ру: балтийский акцент. – 2023b. – Т. 14. – №4. – С. 105–124.
6. **Кронгауз, М. А.** Мать, жена, подруга: семантика и прагматика одного обращения / М. А. Кронгауз, К. С. Клокова, В. А. Шульгинов, Т. А. Юдина // Слово.ру: балтийский акцент. – 2024. – Т. 15. – №3. – С. 172–189.
7. **Морковкин, В. В.** Большой универсальный словарь русского языка: в 2 т. Т. 2 (П–Я) / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая // Москва: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС, 2023. – 720 с.
8. **Национальный корпус русского языка.** – URL: <https://ruscorpora.ru/> (27.09.2024).

9. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: А ТЕМП, 2006. – 944 с.

10. **Словарь русского языка:** в 4-х т. Т. 3. П–Р / ред. А. П. Евгеньева. – Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – 750 с.

11. **Словарь русского языка XVIII в.: выпуск 18** / гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Санкт-Петербург: Наука, 2011. – 261 с.

12. **Словарь церковно-славянского и русского языка**, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук: в 4 т. Т. 3. – Санкт-Петербург, 1847. – 591 с.

13. **Толковый словарь русского языка** в 4 т. Т. 3: П–Ряшка. / ред. Д. Н. Ушаков. – Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – 1424 с.

REFERENCES

1. **Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka:** A–Ya / gl. red. S. A. Kuznetsov. – Sankt-Peterburg: Norint, 2000. – 1536 s.

2. **Dal', V. I.** Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 ch. Ch. 3. П. / V. I. Dal'. – Moskva: O-vo lyubitelej ros. slovesnosti, uchr. pri Imp. Mosk. un-te, 1865. – 508 s.

3. **Krongauz, M. A.** Mat', zhena, podругa: semantika i pragmatika odnogo obrashcheniya / M. A. Krongauz, K. S. Klokova, V. A. Shul'ginov, T. A. Yudina // Slovo.ru: baltiyskij accent. – 2024. T. 15. – №3. – S. 172–189.

4. **Krongauz, M. A.** Semanticheskie i pragmaticheskie perevoploshcheniya slova «matushka» / M. A. Krongauz // Russkij yazyk za rubezhom. – 2023a. – № 5 (300). – С. 48–56.

5. **Krongauz, M. A.** Transformaciya semantiki mamochki: ot zheny do pushki / M. A. Krongauz, K. S. Klokova, V. A. Shul'ginov, T. A. Yudina // Slovo.ru: baltiyskij accent. – 2023b. – T. 14. – №4. – S. 105–124.

6. **Morkovkin, V. V.** Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka: v 2 t. T. 2 (P–Ya) / V. V. Morkovkin, G. F. Bogacheva, N. M. Luckaya // Moskva: Slovare XXI veka: AST-PRESS, 2023. – 720 s.

7. **Nacional'nyj korpus russkogo yazyka.** – URL: <https://ruscorpora.ru/> (27.09.2024).

8. **Ozhegov, S. I.** Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. – Moskva: А ТЕМП, 2006. – 944 с.

9. **Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka**, sostavlennyy Vtorym Otdeleniem Imperatorskoj Akadeemii nauk: v 4 t. T. 3. – Sankt-Peterburg., 1847. – 591 s.

10. **Slovar' russkogo yazyka:** v 4 t. T. 3. P–R / red A. P. Evgen'eva – Moskva: Russkij yazyk; Poligrafresursy, 1999. – 750 s.
11. **Slovar' russkogo yazyka XVIII v.:** vypusk 18 / gl. red. Yu. S. Sorokin. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2011. – 261 s.
12. **Tolkovyj slovar' russkogo yazyka:** v 4. T. 3: P– Ryashka / red. D. N. Ushakov. – Moskva: Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1939. – 1424 s.
13. **Vezhbickaya, A.** Yazyk. Kul'tura. Poznanie: [per. s angl.] / A. Vezhbickaya. – Moskva: Rus. slov., 1996. – 411 s.